

В Чжунчжоу насчитывалось семеро медиумов А-ранга, и аномальных бедствий А-ранга в этот раз вспыхнуло ровно семь.

Пока Гу Яньань спешил на помощь материку Ючжоу, Цзогу, признанный лидер медиумов Чжунчжоу, в одиночку принял на себя удар сразу двух пространств аномалий А-ранга.

В отличие от Су Яньчжоу, любившего подразнить его «стариком», Цзогу, несмотря на свой двухсотлетний возраст, выглядел удивительно молодо — от силы лет на тридцать.

Он был одет в синюю даосскую кофту и простые тканевые туфли. Пучок волос на макушке стягивал чёрный шнур. Из-за ожесточённой схватки несколько тёмных прядей выбились и упали на щёки, прикрывая едва заметные нити серебряной седины.

Будучи единственным Последователем А-ранга в Чжунчжоу, Цзогу пробудил Генетический номер 15 [Оковы] и все эти годы неустанно раскрывал его потенциал.

Опираясь на способность [Оков], он насильно запечатал два разрозненных очага аномального бедствия в единое пространство, решив проблему нехватки высокоранговых медиумов.

Вот только никто не мог предвидеть, что под пространством Дневной Звезды Восточного университета аномалии хлынут непрерывным, бурлящим потоком.

Обе аномалии А-ранга, с которыми сражался Цзогу, достигали размеров междугороднего автобуса.

Первая походила на леопарда — сплошь золотистая, с характерным пятнистым узором на голове. Впрочем, сходство на этом заканчивалось. Под золотистой шкурой твари непрерывно пульсировали бугристые опухоли и наросты, а длинный хвост венчал плотный бутон из плоти. Раскрываясь, этот бутон превращался в пасть, усеянную кривыми клыками.

Существо, подобное Таоте, — одна из древнейших аномалий, Зверь Яо.

Цзогу подозревал, что пасть на хвосте Зверя Яо тянулась через всё тело прямо к глотке. Подтверждением тому служили случаи, когда во время боя тварь расхищала пасть, и из её горла стремительно вылетала точно такая же зубастая присоска.

За долгие века жизни Цзогу выработал абсолютную стойкость к выдавшим виды уродствам аномалий, от которых у обычных людей зашкаливал уровень ужаса. Зверя Яо в этом смысле можно было назвать даже «миловидным».

А вот вторая аномалия, запертая Цзогу в том же пространстве, выглядела куда менее дружелюбно.

Это был гигантский белесый червь. Его глаза горели мутной кровавой краснотой, а за головой тянулись два месивообразных туловища, напоминающих гниющую грязь, с четырьмя обрубками мясных крыльев. В бою от его туши непрерывно отваливались куски зловонной слизи, пропитав весь объём пространства тошнотворным роем миазм.

Даже искушённый Цзогу долго не мог понять, что за тварь перед ним.

Лишь когда температура вокруг стала стремительно расти, а Цзогу, решив отпить воды, обнаружил, что оздоровительный чай в его термосе попросту испарился, до него дошло: перед ним Фэйи.

Появился Фэйи — жди великой засухи.

Десять пальцев Цзогу порхали перед грудью в непрерывном плетении знаков. Следом за его движениями в пространстве всё громче нарастала лязгающая сонара металлических цепей. Когда прозвучал финальный, тяжёлый гул железного затвора, плотные звенья насквозь пробили туши и Зверя Яо, и Фэйи.

Заготовив эталонную ловушку с самого входа, Цзогу наконец затянул сети.

Зверь Яо обладал невероятной скоростью: пожертвовав хвостом, он вырвался из стальных объятий и отскочил подальше, настороженно следя за человеком. Но главной целью Цзогу изначально являлся тучный, неповоротливый Фэйи. Не обращая внимания на леопарда, даос сомкнул указательный и средний пальцы правой руки, дистанционно сжимая цепи.

— Попался! — отчеканил Цзогу.

Прошитый со всех сторон Фэйи не успел даже издать прощальный визг — его туша мгновенно рассыпалась дождём из кровавой грязи.

Аномалии А-ранга уничтожались с огромным трудом, но под запретной формацией Цзогу этот червь был мёртв окончательно и бесповоротно.

Запах гнили в пространстве густел, но Цзогу даже не поморщился.

Лишённый хвоста Зверь Яо выгнул спину, жесткая шерсть на бугристой шкуре встала дыбом, а из пасти вырвался низкий, угрожающий рык.

— Тю-тю-тю, — протянул Цзогу тем самым тоном, каким подзывают дворовых щенков.

«Щенок» заходясь в брани, взревел, и в его распахнутой глотке из пятилепестковой пасти выросла ещё одна пасть, усеянная красно-белыми клыками.

Глядя на свирепеющую тварь, Цзогу оскалился в улыбке, выглядевшей едва ли не свирепее, чем у самой аномалии:

— Остался только ты!

Взмах пальцев — и цепи, всё ещё покрытые бледным мясным месивом после уничтожения Фэйи, сплелись в воздухе в исполинскую сеть, накрывая юркого Зверя Яо.

Этот хищник уже превратился в мышь, запертую в его мышеловке.

В этот момент на плече Цзогу зажёгся передатчик. На связь вышел Гу Циюэ, дядя Гу Яньаня:

— Сколько тебе ещё нужно времени?

— Три четверти часа, — отозвался Цзогу.

В бою он был самым быстрым в Чжунчжоу, задержка кропотала лишь в дороге — отсюда до Восточного университета добраться можно было минут за шестьдесят.

А запечатать ещё одно пространство?

Все аномальные пространства Восточного университета находились под сенью S-рангового пространства Дневной Звезды. Утянуть их он бы не смог физически.

Впрочем, Гу Циюэ связался с ним не только ради помощи Чанчжоу.

— Нет, ты должен закончить быстрее, — в голосе обычно хладнокровного Гу Циюэ звучало небывалое напряжение.

Раньше, едва осознав, что описанный в древних фолиантах глобальный сдвиг аномалий настал, Гу Циюэ не проявлял и тени подобной паники. Для людей, чьи жизни давным-давно переплелись с изнанкой мира, глобальный сдвиг означал лишь рост числа бедствий и нескончаемые бои.

Паника заразна. Цзогу почувствовал, как напряжение сдавило грудь:

— Что ещё стряслось?

Подозрение, что проблема кроется в безудержно проникающих пространствах Восточного университета, заставило его уточнить:

— Сколько ещё пространств вклинится в Восточный университет?

— Точное число я рассчитать не могу, но их будет много... — В тоне Гу Циюэ, знатока пространственных формаций, сквозила тяжелая уверенность: — В следующей волне — не меньше пяти.

— Если мои расчёты верны, первая волна принесла четыре пространства, вторая — пять, а дальше... — Гу Циюэ тяжело вздохнул, —...их станет только больше.

Бесконечный, удушающий ритм.

При такой интенсивности гибель всех медиумов Чжунчжоу оставалась лишь вопросом времени.

Гу Циюэ перешёл к главному:

— Судя по древним записям, ОН тоже явился в этот мир.

— Я уже связался с кланом Су. Мы должны извлечь ту вещь, чтобы сдержать скорость прорыва аномалий.

Чжунчжоу не был монолитом, поэтому Гу Циюэ не рисковал говорить лишнего по открытой связи.

Среди тревоги проскальзывала древняя, усталая горечь — они ждали этого дня слишком, слишком много лет.

Цзогу на мгновение замолчал. Дело было не в нежелании — в конце концов, если извлечь артефакт окажется ошибкой, его всегда можно вернуть обратно. Его просто охватила неуверенность, выношенная веками ожидания.

— Это действительно ОН? — спросил Цзогу. — Это не сходится с хронологией сдвига из древних книг.

Согласно преданиям, сохранённым их семьями, ЕГО появление должно было состояться лишь через десяток лет после начала глобального сдвига.

Гу Циюэ не стал спорить:

— Время давно пошло прахом. Стоит ли удивляться новым странностям?

Кланы Су и Гу, обещавшие хранить верность лишь век, прождали восемнадцать поколений.

Время сбилось с пути слишком давно.

— Сейчас некогда разбираться. Просто поторопись.

— Чанчжоу ещё нужно спасти.

— Понял, — ответил Цзогу, прокусил палец и размазал кровь по звеньям цепей.

— Запрет!

Прикосновение змеиной кожи отзывалось холодом и липкой сыростью. Ариэкс сжался до размеров браслета и неспешно вскарабкался на указательный палец Цзян Фэя.

Крошечные клыки вонзились в подушечку. Цзян Фэй ощутил лёгкий укол, который тут же угас — должно быть, выделения на зубах змеи заблокировали чувствительность.

Цзян Фэй поднял Ариэкса за загривок и с опозданием вспомнил важную деталь:

— А гадюки разве не ядовиты?

Змей невинно высунул раздвоенный язычок. Каждый раз, когда он принимал такой вид, Цзян Фэй невольно думал: не будь он аномалией, из него вышел бы невероятно милый питомец.

"Ядовитая... — откликнулся тот медленно, невпопад. — Кажется... вырвали..."

Видимо, вспомнив нечто неприятное, Ариэкс начал раздуваться прямо в пальцах Цзян Фэя. Его оголённый, костяной хвост забил по воздуху, точь-точь как у раздражённого кота.

Уже успев изучить повадки аномалии, Цзян Фэй понимал: это не злость, а паническая тревога, возникающая у змея от слишком тесного контакта с человеком.

Чем крупнее становилась туша, тем тяжелее её было держать. Цзян Фэй разжал пальцы и сбросил Ариэкса.

Едва коснувшись земли, змей мгновенно вымахал до трёх метров в длину. И хотя его главные глаза сохраняли прежнюю чистую наивность, а из пасти доносилось бубнение: *"Вырывать ядовитые железы — это больно..."*, полуметровый костяной хвост за его спиной взвился острым копьём, метая прямо в грудь Цзян Фэя!

Контракт замкнулся беззвучно. Эта аномальная змея, с давних пор подстерегавшая Цзян Фэя, наконец обрела право нанести ответный удар без лишних вопросов.

И одновременно с атакой пришёл визуальный шлейф заключённого договора, опоздавший буквально на мгновение.

Перед глазами Цзян Фэя вспыхнуло кровавое марево.

Алая пелена размыла реальность. Знакомый пейзаж Восточного университета растворился в памяти. Цзян Фэй потерял опору под ногами — ему показалось, будто он взмыл в поднебесье, где в вышине и на земле кружились бесчисленные, неразличимые силуэты людей и зверей.

В ушах зазвучали божественные мотивы. Неразборчивый шёпот заставил кровь пульсировать в такт этой музыке, а внизу живота разлился жгучий жар, туманящий разум.

Он начал забывать, кто он и зачем здесь. Постепенно из памяти стёрлись даже собственное имя и суть. Это угасание самосознания походило на первое погружение в Пещеру Алчности, но действовало куда глубже и беспощаднее.

Однако на фоне угасающего разума тело охватило неестественное, сжигающее блаженство. Острая, до мурашек на коже, стимуляция каждой клетки пробудила в душе Цзян Фэя безудержный порыв — ему захотелось сделать шаг вперёд, раствориться в этой феерии и вместе с ней шагнуть в абсолютный катарсис.

Цзян Фэй действительно подался вперёд — и грудью налетел на костяной хвост Ариэкса.

Остриё метило точно в сердце. Но едва коснувшись плоти, ещё не успев причинить вреда, костяной шип растаял, словно лёд под пламенем, и без остатка впитался в его тело.

Сработал только что разблокированный навык Цзян Фэя — [Абсолютный контракт].

Не получив долгожданной расплаты, Ариэкс недоумённо задрал глупую башню. В его главных глазах застыло детское недоумение, никак не вяжущееся с жестокой атакой.

Но если верхняя пара глаз отличалась святой простотой, то десять злобных очей на брюхе аномалии, управлявших его настоящей сутью, прирасли от ярости. Они вынудили змеиную тушу ещё глубже въедаться в тело Цзян Фэя, пытаясь запустить процесс паразитирования.

Цзян Фэй всё ещё находился во власти иллюзии, а снаружи его тело, по мере слияния с Ариэксом, принялось стремительно трансформироваться, как это было у Су Яньчжоу.

Серебристая змеиная чешуя пробилась сквозь кожу. На правой руке и левой ноге плоть

мгновенно усохла, обнажая обнажённые белые кости.

Под правым глазом вспух плотный бугорок. Под кожей что-то запульсировало, словно второе сердце, после чего ткани лопнули, и наружу уставился узкий, вертикальный змеиный зрачок.

Злобное око Ариэкса открылось, вращая зрачком вверх и вниз, пытаясь отравить изнутри завладевшее им тело.

Увы, все усилия оказались тщетны. Цзян Фэй изменил фундаментальные настройки навыка: его гены несли в себе абсолютный контракт, исключаящий любой ответный удар. Вся желчь и злоба паразитического глаза уходила в пустоту.

Сам же Цзян Фэй оставался заперт в буре чувств, принесённой резонансом.

Это испытание являлось первым порогом, который обязался перешагнуть каждый Резонирующий. Это был мир глазами аномалии — и та самая ловушка, в которую рано или поздно низвергались все медиумы, поддавшись падению.

Резонанс служил кратчайшим путём к могуществу. По мере слияния тело Цзян Фэя эволюционировало с невероятной скоростью. Будь у него под рукой детектор, он бы увидел, как уровень аномальной трансформации стремительно перевалил за 80 и с ревущим напором рванул к 100, угрожая окончательным падением.

Чем выше поднимался уровень, тем реальнее казались картины перед глазами. Таинственный шёпот подталкивал его сделать последний шаг: за этой гранью его ждёт вечное блаженство.

Это искушение затмевало Пещеру Алчности. Вкрадчивый голос в голове уверял, что остаться — значит быть лишь рядовым медиумом А-ранга, тогда как вечность простирается прямо перед ним.

В своём сознании Цзян Фэй продолжал идти вперёд. Чужеродная, колоссальная сила наполняла его тело, подавляя малейшую волю к сопротивлению.

Сейчас он был слишком слаб.

Единственным спасением стало то, что этот аномальный мир открывался через восприятие Ариэкса, сохранившего обрывки давным-давно забытых воспоминаний.

Сквозь туманные шепоты до слуха Цзян Фэя чётко донёсся низкий, бархатный голос:

"... Ариэкс..."

"... Помни об оковах, которые ты сам на себя наложил".

И хотя голос обращался к змею, эти слова отозвались в сознании Цзян Фэя подобно утреннему набату. Они в мгновение ока рассекли дурман, затягивавший его с самого начала резонанса.

Сердце пронзила дикая боль. Казалось, что-то длинное и острое насквозь прошило грудную клетку, сковав сердце. Цзян Фэй пришёл в себя, скорчился от боли и долго не мог сделать вдох, судорожно сжимая руками грудь.

Когда приступ утих, он поднял взгляд на источник звука, но не увидел ничего, кроме алого свечения с золотой каёмкой по краям.

Красный свет окончательно угас. Мутации на теле и лице Цзян Фэя начали медленно сглаживаться, и суровая реальность вновь предстала перед ним.

[Генетический номер 1 [Жизнь] — прохождение процесса пробуждения завершено. Редактирование генетических навыков резонирующей аномалии недоступно (По сравнению с таинственным [Бессмертием], [Жизнь] явно больше подходит новичкам)]

[Текущий уровень резонанса: 50%. Пробужденный навык 1: [Долголетие: Дыхание жизни] (продлевает жизнь, расширяет её границы, повышает скорость восстановления)]

— Кха... — выдохнул Цзян Фэй. — Опять «жизнь».

Слово «жизнь» красной нитью прошло сквозь весь контракт, неустанно напоминая Цзян Фэю о том, с чем ему подлежит столкнуться.

Впереди ждало немало преград, а значит, спасение собственной шкуры — первостепенная задача.

В груди всё ещё тлела тупая боль — отголосок памяти Ариэкса о том моменте, когда его сердце пронзили насквозь. Держась за грудь, Цзян Фэй взглянул на своего свежееиспечённого контрактора.

Ариэкс сидел прямо перед ним. Все злобные глаза на его брюхе были плотно зажмурены, а сама туша лучилась искренним, безграничным отчаянием.

Мало того что сожрать человека не удалось, так он ещё и не вкусил его толком — не считая того лёгкого укуса во время заключения договора. Брюшные глазки пребывали в глубокой печали.

Цзян Фэй протянул руку и погладил Ариэкса по голове, совершенно не понимающего, что

происходит.

Костяной хвост, ещё недавно пытавшийся пробить его насквозь, от этой ласки радостно запетлял из стороны в сторону.

"Он пришёл за тобой".

Цзян Фэй подумал: как ни крути, а ему достался хотя бы милый змей-собачка с социофобией.

<http://bllate.org/book/19820/1992604>